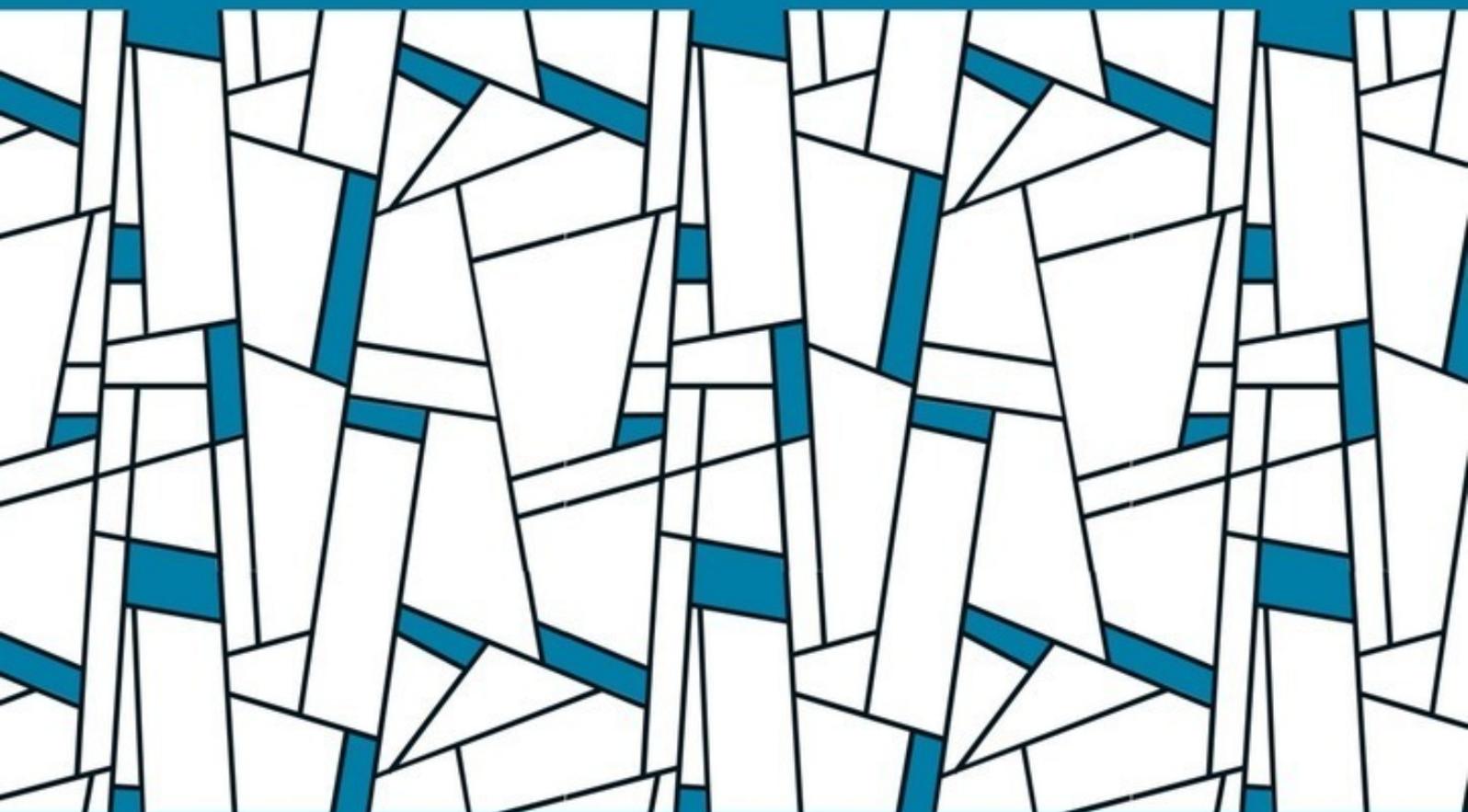

Владимир Конарев

**ЗАПРЯТАННАЯ
ЗА СТЕНАМИ
ЖИЗНЬ**

избранные рассказы

Владимир Конарев

**Запрятанная за стенами
жизнь. Избранные рассказы**

«Издательские решения»

Конарев В.

Запрятанная за стенами жизнь. Избранные рассказы /
В. Конарев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900198-6

В книге собраны рассказы, написанные автором в период с 1975 по 2016 год. Сюжеты в основном на деревенские темы, которые волнуют меня, доставляет удовольствие преподнести их правдиво.

ISBN 978-5-44-900198-6

© Конарев В.
© Издательские решения

Содержание

Похождения рядового...	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

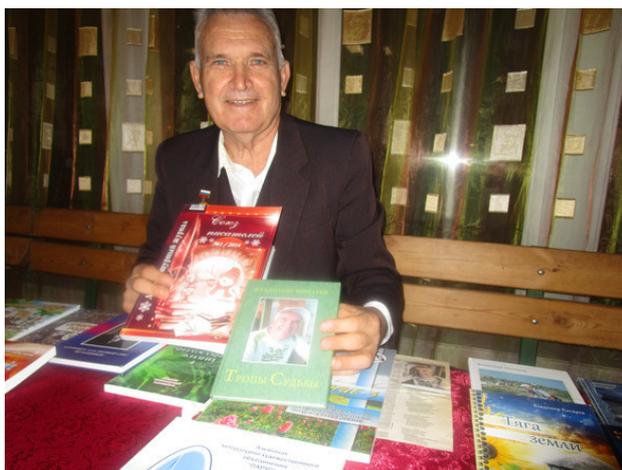
Запрятанная за стенами жизнь Избранные рассказы

Владимир Конарев

© Владимир Конарев, 2017

ISBN 978-5-4490-0198-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я и мои «Дети» на призетации в клубе посёлка Цибанобалка.

Похождения рядового...

В нагрудном кармане гимнастёрки увольнительная. Этот небольшой, в четверть, листок всегда строг. Владельцу необходимо не забыть время прибытия в часть. Полагается помнить это не только сердцу, когда листок касается нагрудного кармана, но и тогда, когда она память, встревожена. А она... в данный момент занята именем девушки, которая пишет солдату и ждёт его.

Не штормит, а только накатываются волны бывших встреч с девушкой, девушкой с малой Родины. Писем что-то давно нет. И всё же, в гребнях волн мелькают: круглое лицо, полные губы, задумчивые глаза. Поцеловать бы! Где там – между – расстояния, да какие! А сердце, сердце... стучит, шевелит увольнительную записку... не прикажешь успокоится.

Да к тому же... пальцы не слушаются. Ключ в замке не проворачивается. «Пожирает» драгоценные минуты выхода в город. Оставить «неслуха» в замке – жди неприятностей от старшины склада. Мало того узнает дежурный по части, то совсем – пиши пропал – месяц майся в военном городке. А весна пришла – а!!! За забором части парочки милоются – целуются. Дурманит запахом сирень. А ты слюнки глотай, завидуй и терпи: до дембеля ещё ого – го: две весны команд: «Рота, подъём!». Всё, товарищ замок, кровь души выпил, щёлкнул рычажками, замкнулся! – Негодяй ты эдакий!» – ругая замок, шёл проходной части рядовой Комаров.

Поскрипывали сапоги, лучилась кокарда. Улыбалась бляха ремня. Умиляла и грела душу увольнительная. С десятков шагов от проходной и брусчатка улицы. Отполированные камни – булыжники прислушались к цоканью подковок, прибитых по случаю выхода в город, в бывший немецкий. Прислушались и поняли: « Это цокают – русские сапоги!». Процокали мимо гауптвахты, свернули на улицу Первомайскую. Слева дома, справа дома. И все, как под копирку, с остроконечными крышами – в стиле готика.

«Интересно, а как там внутри?» – вспорхнула мысль. Вспорхнула и... затрепыхалась, в блестящих липовых листочках. Её неожиданно встревожили: «Товарищ солдат, помогите!» Голова – на голос... и стоп! О, красивая женщина! Зовущие глаза о помощи. Взмах руки – крыло лебедя. Музыка в просьбе! Отказать невозможно! « Надо на второй этаж... вот этот ящик. Сосед поможет», – звучала мелодия просьбы, и лучился взгляд надежды. – Согласен! Комаров попросил верёвку и доску. Снял гимнастёрку Всё, что требовалось, чтобы втащить ящик, нашлось. Груз оказался очень тяжёлым и неудобным при повороте на второй этаж, но, « слегка намучившись», втолкали его в комнату. « Что там? что-то литое что ли?» – предполагал Комаров, одевая гимнастёрку.

Сосед уже мыл руки, и его бодрый голос приглашал солдата к столу. Комаров хотел отказаться, но передумал: «Посижу, познакомлюсь». Сели за стол. Соседразлил вино. Оно призывно искрилось в бокалах, манило, соблазняло, но Желание сопротивлялось, завораживалось в слово – «нельзя!» – Не могу! В увольнении я, – отстранило бокал Нежелание. «А я отведаю, что поднесли, не откажусь!» – возразил Аппетит, – и руку солдата потянул к вилке. Хозяйка Валентина и сосед Говард, переглянулись, улыбнулись, звякнули бокал о бокал. Выпили. Говард, закусывая, сострил: «У нас в старинном городе не пьёт только один памятник поэту, но около, в войну, выпивали». Валентина с укоризной глянула на Говарда и постучала легонько вилкой по бокалу. Сосед улыбнулся, налил себе вина, выпил, закусил, и, вставая от стола, сказал: – Всего хорошего, ждут дела, – и вышел. – Я тоже, пожалуй, – поднялся Комаров.

– Может быть, ещё посидим, – и женщина встряхнула пышными кудрями. Они рассыпались, обрамили ухоженное лицо, прикрыли слегка лебединую шею. В глазах заблестали, зовущие чёртики страсти. «Ворожея, хитрющая лисичка, намекает на близость к женскому

телу, переворачивает душу; понимает, что этого-то солдату в казарме недостаёт». Сказала и молчит, выжидая реакции Комарова на намёк, а в глазах просьбицы мужской ласки. Пересела на диван. Поманила. Вздохнула. Трепетно замерли, властно – зовущие, спелой вишни, губы. Комаров придвинулся. Склонил голову на колени. Поцеловал руки, шею, и, вздыхая, шепнул: – Прелестная, пора в часть, к сожалению! – Понимаю, – выдохнула Валентина. Погладила волосы, приподняла голову, и... обвили руки шею. Поцеловала мочку уха, шепнула: – При случае – загляни, буду ждать! – Иди! Шагнула к двери, и медленно, нехотя, на себя, потянула дверную ручку.

...На небосклоне блистает ковш Медведицы. Варится, вспениваясь, чёрное кофе ночи для господина Май. Он в час ночи встречается с 31 днями. Новые дни ещё не совсем поняли, что их ждёт. Они на подходе, в терпеливом ожидании. И, всем кто сладко спит, весенний месяц, в свой дневник распорядка службы первым пунктом, в эту минуту пишет: «Всему живому Любовь и Благоденствие!!!»

...Шалит ветер. От выдоха и вдоха, трепещут, словно пушок птицы, листочки. Упругие, повзрослевшие липы – пятилетки, оживили окраску стволиков. За прошедший год службы рядового Комарова, они, незаметно и густо, обросли побегами, радуя взор и сердце. Утром, проходя мимо зелёного строя, приложил ладонь к козырьку фуражки, по правилам чести: – Пока, «товарищи – липки!» Иду в город!»

Вновь по дороге, мимо знакомых домов и лип, роскошных, солидных, довоенных старожил города. Да и сапоги узнали улицу и дом с готической макушкой, и тот подъезд. На подходе, Комаров почувствовал, что сердце стучит не в левой стороне груди, а в правой. «Стоп! Не дрейфь!» Указательный палец – на кнопку звонка. Освежающий сознание, звон звонка. Приотворилась дверь, придерживаемая цепочкой: – Вы к нам? А мамы нет дома. Она с дядей Говардом. Решили в кино прошвырнуться! – недовольно сказала девочка. – А вы что новый мамин кавалер? – хихикнула и захлопнула дверь. «М – да! Случай! Не в ту лузу шар!» «И, на 180 градусов, марш! На исходную позицию: на улицу. «Валечка твои слова: « Буду ждать!» – турусы на колёсах!» – возмущалось Сознание.

Погодя, самочувствие Ивана, вспомнил о фортуне, помощнице надежд и неритмичных сердцебиений. «Пожалуй, фортуна сейчас бодрствует! Весна! А весной она всегда «на проводе». Сознание звякнула: «Ал-ло!» – и Сознание объяснило ей суть своей просьбы. «Помогу! Всё равно – делать нечего, в небо – глаза, а там кучевые облака!»

Фортуна дня, упростила Чувства солдата полечить в зоопарке, утверждая, что лекарство, с названием «Посещение», излечивает их, и потому туда и повела. И, на самом деле, обход клеток и вольеров, успокоил нервишки рядового. Выходя, с успокоенными нервами, из зоопарка, служивыйнеожиданно познакомился. А случилось знакомство «таким макаром». – Девушка, мне показалось, что посещение зоопарка вас расстроило? – Да, – неожиданно призналась она, – пингвин заболел. – Я, когда прихожу, то мне разрешают его угостить. А вот сегодня не удалось! И расстроилась! – А вы что тоже равнодушны к нашим младшим братьям?

– В общем, так, – уклончиво ответил солдат. – А, если же честно, то меня сегодня тоже расстроили и, чтоб успокоится, тоже заглянул в зоопарк. – Понятно, – и, у рта, обозначилась улыбка понимания. По тону ответа, он предположил, что знакомство девушка желала бы, продолжить. Но, она ускорила шаги. – Вы торопитесь? – Да, на одно мероприятие, – последовал ответ. – Ваше имя, незнакомка. – Алевтина! – Тогда доброго пути, – махнул ладонью Комаров, и направился в кафе «Магдалина». «Перекусить что ль?»

Присел. – Разрешите, – подсел мужчина и спросил:

«Товарищ солдат, вы любите приключения?»

– В армии случаются, но мало – запоминающиеся.

– Что – то пикантное предлагаете? – спросил прямо, в лоб Комаров.

– Предлагаю познакомиться с девочками. Просят в гости. Непременно солдата.

– На пирушку, небось?

– На знакомство. Вот адрес, – и подал листок. – Простите, ещё надо уговорить одного.

И непременно бойца, вашего возраста. «Рискнуть что ли? А была не была потопаем!»

Врученный адрес привёл Комарова на второй этаж. Позвонил. Раскрылась дверь, и, пред его очи, предстала... посетительница зоопарка Алевтина.

– Вы?! – удивилась она. Комаров подал записку с адресом. Её зрачки расширились, будто бы какое-то чудо неожиданно привстало у глаз. – Входите, – и освободила дверной проём. – Располагайтесь! И подождите минутку, – и прошла в смежную комнату.

Оттуда, Комарову, был слышен говор ещё двух человек. Голоса явно были: мужской и женский. Слышался смех, пересыпанный возгласами удивлений. Распахнулись створчатые двери, и так оно есть: вышли трое. Комаров еле сдержал своё удивление. Двое из них были уже знакомы ему: Валентина и Говард, представленный в бытность случайного, первого знакомства, как сосед, когда втаскивали в комнату ящик по просьбе Валентины.

– Иван, – отрекомендовался первым Комаров. Валентина и Говард озвучили свои имена. Они не подали и виду, что уже знакомы. Это устраивало их и, конечно, Комарова. «Две знакомые, по случаю, женщины. Что о них знаю? Раз, два и обчёлся, как говорят на хуторе. М – да! смотри же, а у Валентины те же локоны, обрамляющие ухоженное лицо. Только, пожалуй, сейчас более старательно ухоженные, видать: не за один час „марафетила“. Волосы, как тогда при знакомстве, встряхнула, чтоб показать их роскошный вид. Те же чёртики пляшут в зрачках, но, пожалуй, уже не раз удовлетворённые. Месяц минул с той встречи. Всё служба, да известная замкнутость казармы, ей что: замуж хочется, а может быть уже и замужем. Не одна: с соседом. А к Алевтине стоит присмотреться, так как Валентина с Говардом, по известию девочки: „мама с Говардом решили в кино прошвырнуться“, сложившаяся пара. Тут не ля-ля, а от винта, рядовой! А куда они засобирались и уже оделись? О, куда? А чтоб... наедине оставить нас». – Ваня, – вывела из размышлений Алевтина. Говард и Валентина распрошались и вышли.

Алевтина, улыбаясь, подшла к дивану. – Не стесняйтесь! Чувствуй свободней, не казарма. Прижалась плечом к гимнастёрке, будто бы невзначай. И тихо спрашивает: – Что такой робкий? Сидишь, как у тёщи, впервой на блинах. ...Какие у вас красивые... карие глаза, словно омут, утонуть можно! Можно поцелую? – и, не ожидая ответа, страстно прихватила губы. Вспыхнувший, пламень чувств, ожёг душу, и душа, солдатская душа, забывшая поцелуи, провалилась в сладкую пропасть губ. Его губы втянулись в горячий рот, встретились языки, изучая друг друга. Закипела кровь, вздрогнули и затрепетали кроветворные вены. Он не помнит, как встали и ушли в комнату, как растворились друг в друге, наслаждаясь сладким земным действием. Обнявшись, утонули в ласках, беспрерывно целуясь, и любуясь друг другом.

...А в созвездиях бездонного неба, как и миллионы веков, мерцали их звёзды, под которыми было суждено, в разное время родится и, только в этот час, найти друг друга, случайно, согласно строчкам записке. Целуясь сладко и подолгу, ещё не думали, что их любовь окажется сладким воспоминанием, а пока... С того памятного дня служба в армии «встряхнулась», и «побежала» от одной встрече – к другой. Летели дни. Пело и мучилось сердце – одновременно. Влюблённость озарило Душу. Заметил это и старшина, и во взводе бойцы. Но более всего «допекали старики»: «Не дай Бог ещё она тебя на себя женит! Смотри, доиграешься! Ладно, прощаем: любись! Мы завидуем!» Сладкое влечение к женщине молодой, страстной, и уже опытной в любви, услаждал душу солдата. Он был готов надолго утонуть в её объятиях и не возвращаться в казарму. Сладость губ и жаркого тела обволакивали сознание, волю, слова, бросали в пучину желанной и долгой страсти. И только минуты расставаний огорчали влюблённые Души.

И так длилось до тех пор, пока однажды Алевтина, целуя шею, губы и, сжимая ладонями его щёки, не начала шептать и шептать, требуя и угрожая, целуя и дрожа, дрожа и целуя – неотрывно :

– Придумай, миленький, что –нибудь... заслужи увольнение на два дня. Заслужи, умоляю! Теплоту тела обеспечу! Я умру без твоих ласк. Любишь? Уважь, миленький, приходи! В охотку покувыркаемся, как ты любишь. Кое – чему я новенькому тебя обучу! Не пожалей! Я всегда тебя хочу и ни кому тебя не отдам!.. Другую убью, понял! Тебя не помилюю! Придумай что –нибудь! Не уходи! – висла она на шее, не отпуская его шагнуть к двери.

...Шёл солдат в часть, поминутно поглядывая на стрелки часов. Торопясь не опоздать на вечернюю поверку. Иначе – все свидания – до свидания!

Перед глазами, мелькали: её зелёные, глаза. Ласковые руки, алые губы и величественная – влекущая в лоно страсти – грудь.

...Один день сменял другой. Близилась суббота. Утром старшина (сверхсрочник) отпросил у взводного Комарова к себе домой, чтобы помочь в установке мебели, по случаю окончания ремонта квартиры. Комаров услышал слова: « три дня», а именно настолько убывал из части. Несказанно, обрадовался случаю, и по дороге, к дому, старшины за город, рассказал ему о своей пылкой девочке. Рассказал о её просьбе. Главное о минувшем расставании с ней и той страстной её шепотной речи. Он внимательно выслушал его рассказ, отёр усы (привычка!), подвёл итог: « По себе знаю: если женщина так страстно просит, то будь здоров – выполни. Мало ли что, – он вновь отёр усы, – прибудет, раз обещает прибить, – и добавил, улыбнувшись, – Меня, моя суженая Богом, тоже прибудет, если мы с тобою не выполним её задания. А тебя отпущу, сам был молодой. Всё понимаю. Может она твоя будущая судьба. Не позволительно её обмануть. Отпущу!»

– А позвонить от вас можно?

– Да.

Справились с делами. Сели за стол. Поужинали. Старшина приказал, еле сдерживая усмешку, в «будёновских» усах:

– Рядовой, срочно звоните в «штаб»!

...Звонок в дверь. И, с проёма распахнутой двери, на шее повисла нарядная и сладкая фея. Усыпала поцелуями. Овеяла духами, и подставила упругий бюст, раскрывшимся губам Комарова. Она, не отстраняя себя от его губ, шагнула назад, увлекла на диван. Вытерла платочком свой и его лоб. Затем встала с дивана.

Мягко сказала:

– Располагайся, боец, – и, качнув бёдрами, направилась в спальню. По пути, дополнив: – Я на минуту. А ты, миленький, к столу, – вон туда. Думаю не грешно по бокалу вина.

– Отпустили надвое суток, – хвалился Комаров, разливая вино по бокалам.

Позади, неслышно, ступая по ковру, подошла любимая и нежно-нежно (он притворился будто не слышит!) обняла, касаясь его торса. Воздушное и белое облачко пеньюара окутало его тело и, на его повернувшееся лицо, хлынул ливень, обжигающих, поцелуев.

– А по бокалу вина?

– Ты – моё вино! Ты – мой сладкий вкус! Ты – мой мягкий пуховичок! – увлекла она его, поигрывая, обнажённым телом, покачивая бёдрами и подавая грудь поцелую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.